

Гордость и слава армянского народа

Из недр армянского народа вышло немало ярких личностей. Многие из них беззаветно служили своему отечеству, многие отдали свою жизнь за народное благополучие. Но никому из них, пожалуй, не довелось в мрачные времена реакционного клерикализма обнаружить такое обостренное восприятие жизни, с такой поразительной силой раскрыть свою духовную мощь, так пленаправленно жить и трудиться на благо своей родины, как великому Абовяну.

Он прожил недолгую жизнь. Когда в весну 1848 года он навсегда покинул свой дом, ему было 43 года. Но как были прожиты эти годы. Он, как исполин, как одинокий колос, возвышался над окружающей действительностью, над серой, косой обывательщиной. Абовян принадлежал к той редкой породе людей своего времени, для которых вне народных интересов ничего не существовало, которые каждый день, каждую минуту своего бытия самоотверженно отдавали общественному долгу.

Он прожил трудную жизнь. Можно без колебаний сказать, что никто из его современников на своем жизненном пути не встретил столь яростного сопротивления сил реакции, не подвергался столь жестоким гонениям, как Хачатур Абовян. И хотя за снх пор абовяновцы не могут разгадать тайну трагического исчезновения великого жизнелюба, но разве можно сомневаться, что он пал жертвой мракобесия, которое, как огня, страшилось просвещения народа, его национального самосознания.

Абовян сделал все, что было в его силах, чтобы возбудить гонимый народ, чтобы встряхнуть нацию, подаривший ему жизнь, от сна, дать ему веру в свои силы, веру в свое будущее.

Великая историческая заслуга Абовяна состоит в том, что он с удивительной проницательностью предугадал единственно верный путь освобождения своего многострадального народа из-под лютых каблук пранской и турецкой деспотии. Много воплотив трагических, от самого сердца лунных слов благодарности посылал Абовян русскому народу, его победоносной армян-спасительнице, вступившей в борьбу за армянскую землю, воспринятой великим патриотом как большой национальный праздник.

Абовян своим умом и сердцем понимал лучше, чем кто-либо иной, каков крупнейший общественный в истории его страны является присоединение Восточной Армении к России.

Абовян—гордость и слава армянской культуры. «Жить и умереть за народ»—вот священный девиз, которому он никогда не изменял. Все, что вышло из пера Абовяна, все его творчество посвящено чаяниям народа, волнующие и правдиво воссоздавая картины народной жизни. Произведения Абовяна обладают потрясающей эмоциональной силой, они написаны словно кровью—столь могуче и неповторимо их воздействие на читателя.

Венцом творчества Абовяна является его исторический роман «Раны Армении». Кто из армян не знает эту чудесную книгу! На ней воспитывались целые поколения, по ней учились любить свой народ, свою культуру, свой язык, учились жить и бороться за народное счастье. В романе с потрясающей силой обрисован героизм сынов армянского народа в один из самых сложных периодов его истории. Никто до Абовяна не писал на понятном, доступном народу языке. Он создал первое действительно народное произведение, написанное на языке народа, отображающее жизнь и думы народа. Шедевр Абовяна, как и каждое истинно большое художественное произведение, имеет колоссальное познавательное значение. Он с непревзойденной достоверностью рисует быт и быт армянского народа, воспроизводит важнейшие события в социально-экономической жизни страны в первой половине прошлого столетия.

«Раны Армении» вместе с тем содержат эстетические принципы великого

писателя. В Предисловии к роману Абовян утверждает общественное назначение литературы, которая, по его мнению, призвана отображать жизнь народа, его стремления, поведать ему о родине и ее героях.

Можно, не боясь преувеличений, сказать, что в революционной армянской литературе нет более патристического произведения, книги, заключающей в себе столь высокие гуманистические идеи, как «Раны Армении».

Нельзя без волнения читать замечательную новеллу Абовяна «Тюрчанка». В ней он развивает идею равенства людей, идеи справедливости, воспеивает красоту свободной любви.

Абовян был одним из самых образованных людей своего времени. Он страстно желал связать густой сумрак реакции с променом в народ знания и свет, просветить его, снять с его глаз пелену неведения.

Создателями и творцами будущей жизни Абовян считал молодое поколение, поэтому с большим рвением трудился он на поприще его просвещения. Он основывает частный пансион, в котором воспитывает детей — армян, грузин, азербайджанцев и других национальностей, составляет учебники, в которых излагает свои передовые принципы педагогики. Он создает свое знаменитое «Предисловие», которым совершает полновесный перелом в истории армянской педагогики. Многие положения, выдвинутые Абовяном в его педагогических работах, не утратили своей свежести и актуальности и поныне. Примечательно, что идеи тесной связи школьных занятий с требованиями практической жизни еще тогда глубоко понимали великого просветителя. Одним из важных положений его программы перестройки дела образования являлось требование о включении в школьные занятия земледелия и садоводства, которые практически должны вести специальные педагоги. Далее — неотъемлемой частью учебного процесса должны стать школьные прогулки по родному краю, массовые игры и выставки, то есть все то, что сейчас широко применяется советской школой.

Абовян не мог знать, что многие его педагогические идеи не имели сколько-нибудь серьезной почвы для претворения в жизнь. Он, например, предлагал обязать родителей, чтобы они отдавали своих детей с 7—8-летнего возраста в школу. Это, конечно, в то время было чистой утопией. Его мечта осуществлялась только в советскую эпоху, с введением всеобщего обязательного обучения.

150 лет прошло со дня рождения великого гуманиста, просветителя-демократа Хачатура Абовяна. В памяти нашего народа всегда будет жить Абовян, как один из самых преданных, славных его сынов. Он будет жить, как смелый, бесстрашный обличитель реакции и мракобесия, отсталости и невежества, как нежный лирик, страстно влюбленный в свой народ, всеми частями своей души верящий в лучшее, светлое будущее, в талант и силу своего народа.

Творчество Абовяна—пример высочайшего литературного мастерства. К какой бы области литературного творчества ни прикасалась его рука, он создает неповторимые произведения, пленяющие нас красотой жизни, глубоким проникновением в самую суть общественных явлений и человеческих характеров.

Абовян был отважным новатором во всех областях общественно-политической жизни своего времени. Он испробовал свои силы буквально во всех литературных жанрах и оставил образцы, которые послужили надежным фундаментом развития армянского романа, рассказа, басни, драматургии.

Абовян через десятилетия протягивает нам свою руку и как великий гражданин своего народа благодарит потомков за то, что они превратили в явь его дерзновенные мечты.

Абовян жив! Он с нами. Он и сегодня преподаст нам уроки беззаветного служения Родине, народу, учит в этом видеть цель жизни, высокое назначение человека.

Мало найдется великих имен в истории человечества, которые можно было бы произнести с таким благоговением, с такой горячий, личной благодарностью, как имя Хачатура Абовяна. Пишу «личной», потому что во всех своих работах Абовян всегда, и на словах, и мысленно, обращался к сердцу народа, хотел, чтоб речь его дошла до народного сознания, зажгла его, вызвала отклик. И такова необычайная сила воздействия этой речи, передающей сильные движения души ее творца, что и сейчас, спустя более чем сотню лет, не можешь читать ее без волнения, без подступающих к горлу слез.

Мы знаем и чтим Абовяна, как великого писателя, основоположника новой армянской литературы, организатора ее живого современного языка. Но едва ли не менее велик он, как наставник и учитель родного народа, чей урок остается самым действенным и самым обязывающим из всего бессмертного наследия многовековой армянской культуры, древней и новой. Я имею в виду не только его чисто педагогические идеи, не только плодотворные мысли о воспитании, разбросанные во всех его сочинениях, но только его дидактический роман о Тигране, его учебники, сумму приемов и особенностей его методики, проявленных им за время его учительства, но и самую могучую и единственную страсть всей его жизни, страсть к просвещению народа, к вооружению его знаниями и образованием. Не «судачить», по образному выражению его современников и личный характер, спланировать природные и приобретенные историей недостатки, отшлифовать и заставить, как драгоценный камень, заблестеть его внутренние достоинства,—мечтал Абовян с первых и до последних сознательных дней своей жизни. Всем своим литературным наследством он передает нам эту высокую страсть наставничества, работы над формированием общественного типа армянина, чтобы сынами родного народа могли мы гордиться и с честью видеть их в семье человечества.

Проблемы хотя бы бегло, вместе с читателем, страницы короткой и яркой жизни великого армянского гения. Вот он, в длинной одежде дьякона, двенадцатилетний мальчик, наивный и чистый, но уже переживший и страстные картины насилия, жертвой которого был его родной народ, и светлые картины счастья в дни освобождения родины русским оружием; вот он, хранивший в памяти героические образы своих соотечественников, еще и не зная, что эти образы станут позней содержанием его бессмертного произведения—застенчивый сын Азия, воспитанный на азиатских обычаях и нравах,—почащает в европейский университетский город, в среду ученых профессоров и академиков, где на каждом шагу окружат его новое и неизведанное.

Каждое бы, эта новизна должна тотчас захватить и отделить его от прошлого, заглушить в его душе голоса детства и юности. Шесть долгих лет проведет он в обстановке этой удивительной новизны,—как раз в те годы, когда формируется человеческий характер и окончательно складывается вкус. Но Хачатур Абовян какое свое новое впечатление, вместо того чтобы целиком отделиться от прошлого, и упорной настойчивостью обретает не в средстве удаления от прошлого и забвения родины, а наоборот, в средстве напоминания о нем и острого чувства близости своей к родному народу.

На второй год его пребывания в Дерпте восьмилетний мальчик приглашает его прийти к ним в класс на экзамены. Абовян входит в незнакомый ему огромный зал, уставленный скамьями, и слышит, как четверо 8—10 лет четко отвечают на вопросы учителей. Они прерывают смеяться друг другу, одна группа учеников—другую, и Абовян чувствует, как им овладевает отчаяние. О чем он думает? О невежестве его маленких соотечественников, лишенных школы, о своем собственном детстве, растраченном без пользы; он записывает в свой дневник: «И мы словно чувствуем его ученичеством над странниками, над детьми, старинной тетрадкой, испещренной тонким почерком: «Трое из отличившихся учеников поднялись на нижнюю кафедру и держали репли: один на латинском языке, двое на немецком—продолжительно и просто на удивление. Последнему из них я не дал бы больше 14 лет. Но как они говорили—могу ли я рас-

сказать?!... Пынуло сердце мое... Мне хотелось плакать... хотелось отныне совсем не говорить с кем бы то ни было, воздержаться от знакомства с людьми, столь знающими... я был бы не прочь покончить с собой—броситься в реку. Слезы катились из глаз моих всякий раз, когда я вспоминал подготовленность таких юношей. Весь день словно парализован, ни за что не могу встать; так много видел и слышал, а позволить это на бумаге—не в силах. О, невежество и беспомощность! О-о, милые дети детства! Капнули в н-ую тьму отрады и расточительности. Чего стоил взрослый муж, если он не учился с детства! Это—тело без души, деревянный человек...»).

Побывав на торжественном акте в университете, он опять, от новизны и величия умственного, переносится мысленно к бедным, обездоленным армянским ребятам: «При виде всего этого сердце мое запылало на каком (низком) уровне науки, думалось мне, пребывает народ наш! Наступит ли время, когда народ наш заблестит подобно этому? Горе его так искренно, так глубоко, что все окружающее замечает и понимает, что в день, в течение шести лет, записывает Абовян в свой дневник все, что относится к методике обучения, к приемам воспитания, зорко подмечая их в знакомых и близких ему профессорах и учениках. Он копил эти наблюдения не для себя. Он весь полон надежд—перенести их на родину, передать армянским детям, обучить своих соотечественников, и чистосердечные люди науки, старомодные ученые с их напынным и подчас сентиментальным семейным бытом, с их искренним преклонением перед патристизмом молодого армянина, всечески поддерживают и поощряют в нем его мечты о просветительной работе на родине. Часто он критически переоценивает оставленное на родине и видит жестоко грубую обиду, среди которых вырос. Каждая мелочь представляется ему теперь в сравнении с прошлым.

Вот он на веселом рождественском празднике в профессорской семье. Вместо обычных в таких случаях «пиров», пения и танцев, в дальнейшем дневнике Абовяна фигурирует в переводе Я. С. Хачатуряна.

Сегодня отмечается 150-летие со дня рождения великого армянского просветителя-демократа, основоположника новой армянской литературы ХАЧАТУРА АБОВЯНА

НАСТАВНИК НАРОДА

Х. Абовян.

сказать?!... Пынуло сердце мое... Мне хотелось плакать... хотелось отныне совсем не говорить с кем бы то ни было, воздержаться от знакомства с людьми, столь знающими... я был бы не прочь покончить с собой—броситься в реку. Слезы катились из глаз моих всякий раз, когда я вспоминал подготовленность таких юношей. Весь день словно парализован, ни за что не могу встать; так много видел и слышал, а позволить это на бумаге—не в силах. О, невежество и беспомощность! О-о, милые дети детства! Капнули в н-ую тьму отрады и расточительности. Чего стоил взрослый муж, если он не учился с детства! Это—тело без души, деревянный человек...»).

Побывав на торжественном акте в университете, он опять, от новизны и величия умственного, переносится мысленно к бедным, обездоленным армянским ребятам: «При виде всего этого сердце мое запылало на каком (низком) уровне науки, думалось мне, пребывает народ наш! Наступит ли время, когда народ наш заблестит подобно этому? Горе его так искренно, так глубоко, что все окружающее замечает и понимает, что в день, в течение шести лет, записывает Абовян в свой дневник все, что относится к методике обучения, к приемам воспитания, зорко подмечая их в знакомых и близких ему профессорах и учениках. Он копил эти наблюдения не для себя. Он весь полон надежд—перенести их на родину, передать армянским детям, обучить своих соотечественников, и чистосердечные люди науки, старомодные ученые с их напынным и подчас сентиментальным семейным бытом, с их искренним преклонением перед патристизмом молодого армянина, всечески поддерживают и поощряют в нем его мечты о просветительной работе на родине. Часто он критически переоценивает оставленное на родине и видит жестоко грубую обиду, среди которых вырос. Каждая мелочь представляется ему теперь в сравнении с прошлым.

Вот он на веселом рождественском празднике в профессорской семье. Вместо обычных в таких случаях «пиров», пения и танцев, в дальнейшем дневнике Абовяна фигурирует в переводе Я. С. Хачатуряна.

*) Здесь и в дальнейшем дневник Абовяна цитируется в переводе Я. С. Хачатуряна.

редактируя в чьянку, а подчас в драки и ссоры, как он напился в родной деревне и в Емчизаде; вместо грубых развлечений монахов, устраивавших кровавый бой буйволов до гибели одного из животных,—он присутствует на зажигании красных свечей с неизменным упованием бедных приютских детей и раздал им подарки, на веселых и остроумных играх молодежи, на ужинах, где каждый берет себе со стола «на выкуп» в свою тарелку, что ему нужно, и ест, стоя,—чтобы процедура елы и питья не затягивалась, а на первый план выступили музыка, беседа, игра, танец. Вернувшись домой после тысячи приятных впечатлений, все еще охваченный ими, он испытывает не наслаждение, а режущую боль: «При виде всего этого мог бы я забыть горемичную судьбу народа моего, лишенного подобных радостей? Где нет сотрудничества—там нет и радости. Несчастье царит там, где нет сотрудничества. Женщины наши стараются выставлять себя, наряжаясь в шитые золотом платья, по хвосту при этом молчаливо. А просвещенные европейки показывают себя в содержательных разговорах и в простой одежде. Даже сегодня вечером я ни на одной из них не увидел платья, расшитого золотом...» Ему страстно хочется перенести на бедную свою родину все эти свободные европейские обычаи, эту культурную простоту и достоинство, но стоит только задеть в нем его национальную гордость, как Абовян мгновенно вспыхивает. Когда один из его случайных собеседников припал его за перся и, удивленный резким отрицанием Абовяна, замечает, что был бы счастлив быть первым и учиться в Дерпте, Абовян говорит ему: «...Я с гордостью пошушу пмя армянского. Я не променял бы имени народа моего на все блага мира».

При всем огромном и жадном внимании к педагогическим приемам своих учителей, Абовян воспринимает эти приемы далеко не слепо. Профессор Фридрихер был одним из самых близких ему (после академика Паррота) людей; но на второй год своего учения у Фридрихера Абовян записывает в дневник: «На уроке я затруднился объяснить арифметический пример. —Сколько раз я истолковывал вам этот пример, а вы его теперь совершенно забыли!—замечал он.

«На уроке я затруднился объяснить арифметический пример. —Сколько раз я истолковывал вам этот пример, а вы его теперь совершенно забыли!—замечал он.

Это замечание профессора окончательно запутало меня. Как хорошо было бы, если бы он не сделал его! Про себя я дал зарок никогда не обращаться с такими словами к ученикам моим, а повторять задание до тех пор, пока они его не усвоят».

Удивительно цельный образ встает перед нами со страниц «дневника» Абовяна, только сейчас становящегося доступным народу. Этот дневник,—несколько тетрадок, неравномерно заполненных в течение шести лет,—написан на суровом и лаконичном грабаре, местами уже непонятен в своих сокращениях, труден для расшифровки. Но он заключает в себе драгоценные подробности не об одном лишь учении Абовяна в Дерпте, а обо всей жизни этого своеобразного горняка: о семьях десятков профессоров, имена которых мы знаем по биографическим словарям ученых, о взаимоотношениях срез студентов и профессоров; о сердечности русского студента Паррота, много раз по-братски помогавшего Абовяну; о студенте-эстонце Тремере, державшем свою выпуклую речь на эстонском языке и получившем серебряную медаль, а за это—три золотых; о черноморском русском майоре, и о военных политических разговорах в среде русских студентов; и о многом, многом другом, что внесет свой драгоценный вклад в историю армянского университетского гонимого Тарту. Вась быт, весь аромат тридцатых годов прошлых века на этой западной окраине тогдашней Российской империи,—и чудный гололос на голубой реке Эмбальги, где еще не было научных фонарей и где гостей проводил хозяева с лампой в руках по «египетской тьме» потных улиц; и ферма Пинемон, где немецкие владетельши по праздникам как будто патриархально танцуют со своими литовскими крестьянами. Но—как полусловом посылает в дневник Абовяна,—не очень и не всегда способный эти клягаться...—все это явко встает перед нами и жжет пронзительного анализа армянских литературоведов. По одно можно сказать с уверенностью уже и сейчас, несмотря на скудость и стеснительный язык во всей его хрупкой застенчивой книжности,—дневник Абовяна пронизан таким живым, страстным, интимным чувством, что отдельные места его достигают высокого драматизма и превращают этот документ пережитого—в одну из сильнейших исповедей сынов человечества. С горячим стремлением отбросить себя лезу наставничества ехал Абовян в далекий город Дерпт, о мечте своей отбросить школу для бедных армян говорит он в середине своего пребывания в Дерпте: и, подводя итог своим годам ученичества, он записывает на последних страницах: «...Тот неблагодарен и то-стоя пренебрега, кто лоботой чужим старанием хорошей плесей будет пользоваться только сам, в одиночку, не станет делиться ею с товарищами и постепенно предаст ее забвению».

Мы знаем, что вся последующая жизнь Абовяна дилась ничтожно мало, всего двенадцать лет. Но заключила она в эти двенадцать лет весь огромный поиток великого сына армянского народа, его «Раны Армении», его обширное литературное наследство, его работы, развивавшие для армянских писателей разговорный, понятный народу язык, его деятельность просветителя и наставника. И эта жизнь доказала каждому и нем и ч-сом, как щедро и самоотверженно выполнял Абовян свой собственный завет—поделиться с народом тем, что он узнал и получил.

У армянских учителей, воспитывающих наших детей, есть великий, непререкаемый источник вдохновения—бессмертный образ наставника армянских детей Хачатура Абовяна. Каждый раз, переступая порог своей школы, могут вспомнить они, вспомнить не только мыслями, но и сердцем, с каким страстным трудом, в каком одиночестве, как трагически отсталым и завоеванным для себя Абовян одно только право—это войти в класс, иметь возможность учить. А перед армянским учительством открыты широчайшие возможности творчески отдавать свои знания, воспитывать и формировать поколение, которым дано будет жить при коммунизме... И не простят нам наши потомки, если образ бессмертного наставника будет бесплодно спать нам в прошлом, а великое дело его не продолжится нами с той же горячей любовью, с той же самоотверженной страстью, с какою он сам послужил родному народу.

Мариятта ШАГИНЯН.

Прием товарищами Н. С. ХРУЩЕВЫМ и А. И. МИКОЯНОМ руководителя американской фирмы «Гарст и Томас» г-на Росвел Гарста

Л.А.Т. 7. (ТАСС). Товарищи Н. С. Хрущев и А. И. Микоян приняли г-на Росвел Гарста — руководителя американской фирмы «Гарст и Томас», производящей гибридные семена кукурузы, и имели с ним беседу.

Сегодня в 8 час. вечера в театре оперы и балета им. Спендиарова состоится торжественное заседание, посвященное 150-летию со дня рождения великого армянского писателя-просветителя
ХАЧАТУРА АБОВЯНА.

Правительственная комиссия.

В Институте литературы Академии наук Армянской ССР

Вчера ученые-литературоведы республики широко отметили 150-летие со дня рождения Хачатура Абовяна. В Институте литературы имени М. Агбегяна Академии наук Армянской ССР состоялась юбилейная научная сессия. Ее открыл вступительным словом директор института Г. Ованян. На сессии были заслушаны ряд докладов о творчестве великого армянского писателя, об отдельных не исследованных ранее моментах его жизни и деятельности.

В докладе «Критический реализм в творчестве Х. Абовяна» кандидат филологических наук С. Саринян на богатом фактическом материале рассмотрел и проанализировал писателя—романа «Раны Армении», сатирическую поэму «Азаршен», рассказы «Тюрчанка», «Первая

любовь», «У друга» и других раскрыл глубоко реалистическую основу его творчества, показал, как постепенно накапливались у Абовяна элементы критического подхода к действительности.

С живейшим интересом высказались участники сессии сообщение кандидата филологических наук Р. Заряна о последних днях жизни Абовяна. Основываясь на опубликованных и неопубликованных архивных документах, переписке Абовяна, свидетельствах современников, докладчик подробно шаг за шагом проследил обстоятельства последних дней его жизни. Но так давно установленный исследователями факт о назначении писателя инспектором школы Свя. Нины в Тифлисе Р. Заряна рассматривает, как попытку царской бюрократии вырвать Абовяна из

армянской действительности и отвлечь от просветительских устремлений, что делалось, по предположению докладчика, одной из причин, трагической гибели великого сына армянского народа.

На вечернем заседании профессор Г. Абов сделал интересный анализ драмы «Феофора». Он показал острую борьбу Белинского с Булгаковым и Полевым в 1840-х годах и отражение взглядов Белинского в пьесе Абовяна.

О неизвестных страницах жизни и литературного наследия Х. Абовяна рассказал кандидат филологических наук П. Агопян. Работая над материалами архива Хачатура Абовяна, Центрального исторического архива Грузинской ССР и Государственного Материала, ученый обнаружил немало новых данных, про-

ливающих свет на «белые пятна» биографии писателя. Так, установлено, что в период 1826—1828 гг. после окончания школы Норсисян в Тифлисе Абовян занимался преподаванием в монастырских школах Лопи—в Ахпате и Санатно и одновременно изучал русский язык и литературу. К этому времени относится переделанный им отрывок из книги Карамзина «Письма русского путешественника». Доказательством того, что и до летнего перезда возникла у Абовяна тяга к русской культуре, может служить любопытный список русских книг, словарей и учебников, которыми он пользовался в библиотеке Эмчизадинского монастыря. Список этот был обнаружен недавно в архиве Материала.